

НЕОФИЦАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПРЕБЫВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА НА ЧЕРНО- МОРСКОМЪ ФЛОТѢ, ВЪ 1828 ГОДУ.

(Извлеченіе изъ журнала, веденнаго Ботлиновымъ, чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, состоявшимъ при адмиралѣ Грейгѣ въ 1828 и 1829 годахъ, во время военныхъ дѣйствій подъ Анапой, Варной, Озюмленомъ, Миссиріемъ и проч.).

27 августа 1828 г. Государю Императору Николаю Павловичу угодно было осчастливить своимъ присутствіемъ черноморскій флотъ, во время осады крѣпости Варны.

Государь Императоръ до этого еще изволилъ посѣтить черноморскій флотъ, но пробылъ тогда на кораблѣ «Парижъ» не болѣе четырехъ часовъ. Его Величество прибылъ ко флоту 24 іюля изъ подъ Шумлы, гдѣ находилась главная квартира нашей арміи. Переѣздъ этотъ отъ Шумлы до Варны совершенъ былъ съ большимъ трудомъ и сопряженъ съ великою опасностію, грозившею особѣ Государя со стороны турецкихъ мародеровъ. Достигнувъ наконецъ пристани, нарочно и наскоро устроенной въ мѣстечкѣ Саханлыгъ (близъ Варны), Государь перевезенъ былъ на пароходѣ «Метеоръ» ко флоту, стоявшему уже на Варнскомъ рейдѣ, и потомъ переѣхалъ на катерѣ на борабль «Парижъ», въ сопровожденіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, князя Мен-

шикова, графа Нессельроде и другихъ особъ. Во время краткаго своего пребыванія на кораблѣ, Его Величество изволилъ осматривать его, и, найдя во всѣхъ частяхъ отличный порядокъ, изъявилъ Монаршую благодарность свою адмиралу Грейгу (*) какъ за найденное вездѣ у него на флотѣ отличнѣйшее устройство, такъ въ особенности и за покореніе Анапы — твердыни кавказской. Во время обѣденнаго стола, всѣ корабли, стоявшіе на Варискомъ рейдѣ, проходили подъ парусами подъ кормою корабля «Парижъ», отдавая установленную честь Государю. Тотчасъ послѣ обѣда, съѣзжая съ ворабля для отпрашенія своего въ Одессу, на фрегатѣ «Флора», Государь тутъ же приказалъ вырѣзать изъ подъ крѣпости стоявшую тамъ турецкую флотилію, которая, по замѣчанію Государя, могла быть обращена турками въ брандеры, и нанести флоту большой вредъ. Это повелѣніе его и было скоро потомъ весьма удачно исполнено.

Прибывъ изъ Одессы на фрегатѣ «Флора», 27 августа Государь переѣхалъ на корабль «Парижъ», и учредивъ на немъ

(*) Адмиралъ Алексѣй Самойловичъ Грейгъ, извѣстный своимъ многостороннимъ просвѣщеннымъ умомъ, съ величавой, привлекательною наружностію и добротой души всѣхъ очаровывавшею, заботясь энергично какъ о флотѣ, такъ и о развитіи и процвѣтаніи Николаева и Севастополя, вѣрнѣйшихъ также его управленію, приобрѣлъ, какъ извѣстно, полное довѣріе Государя и любовь къ себѣ всѣхъ, имѣвшихъ честь служить подъ его начальствомъ, и можно безошибочно сказать, что онъ былъ въ точномъ смыслѣ истинный государственный человѣкъ. Онъ довелъ черноморскій флотъ до того блистательнаго состоянія, въ какомъ видѣли его въ 1828 году. Съ свѣтлымъ взглядомъ на вещи, обративъ особенное вниманіе на всѣ отрасли управленія, онъ успѣлъ вдохнуть въ офицеровъ любовь къ образованію, къ службѣ и пламенное усердіе къ исполненію ими своихъ обязанностей, слѣдя за образованіемъ ихъ, всегда лично экзаменуя ихъ самъ. По управленію гражданскою частию вѣрнѣйшихъ его начальству городовъ, онъ оставилъ по себѣ также много памятныхъ добра. Имъ этого достойнаго адмирала и теперь еще произносятся всѣми съ любовію и уваженіемъ. Преемникъ его адмиралъ Лазаревъ, послѣ него управлявшій черноморскимъ флотомъ, также стяжалъ славу отличнѣйшаго адмирала. Слѣдуя по пути Грейга, этотъ справедливый, достойный, дѣятельный на пользу государства адмиралъ, довелъ флотъ, можно сказать, до совершенства, и образовалъ такихъ офицеровъ, каковы Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ и многіе другіе, которые такъ много прославили наше любезное отечество, падши героями въ минувшую войну. Словомъ, эти два адмирала по всей справедливости заслужили, чтобы имѣла ихъ всегда произносить съ полнымъ уваженіемъ и любовію.

Боталъновъ.

главную свою квартиру, въ то же время изволилъ принять на себя начальство надъ морскими и сухопутными силами. При Государѣ находились: вице-канцлеръ графъ Нессельроде, оберъ-церемоніймейстеръ графъ Потоцкій, статсъ-секретарь Дашковъ, генералъ-адъютанты Трубецкой и Бенкендорфъ, дѣйствительные статскіе совѣтники Танъевъ, графъ Матусевичъ и Чевкинъ, прусской службы генералъ графъ Ностицъ и многія другія лица, составлявшія свиту Государя. Его Императорское Величество въ первый же день своего пребыванія на кораблѣ «Парижъ» отправился на берегъ для осмотра лагеря, и потомъ уже постоянно каждый день дѣлалъ тоже самое, хотя нерѣдко случалось, что отъ большой зыби и очень бурливой погоды невозможно было приставать катерамъ къ парадному трапу корабля; Государь и тогда, не смотря на явную опасность и на просьбы окружавшихъ его лицъ—не съѣзжать на берегъ, садился на катеръ, выѣзая съ кормы по штурмъ-трапу. На берегу Государь обыкновенно посѣщалъ прежде всего лазаретъ, съ участіемъ распрашивалъ больныхъ и раненыхъ, истинно-отечески заботясь при томъ о доставленіи имъ всевозможнаго пособія и удобствъ; потомъ Государь обходилъ весь лагерь, вникая во всѣ подробности осады, осматривая войска и дѣлая всѣ нужныя распоряженія; словомъ, со дня прибытія Государя на Варняскій рейдъ, ничего не дѣлалось безъ его утвержденія. Къ 3 часамъ Государь обыкновенно возвращался на корабль, и послѣ обѣда занимался государственными дѣлами. На кутѣ корабля «Парижъ» былъ установленъ телескопъ, посредствомъ котораго Государь любилъ въ остальное отъ занятій время обозрѣвать дѣйствія войскъ. Линійные корабли и бомбардирскія суда поочереды становились ближе къ крѣпости, и бомбардировали ее. 29 августа Государь удостоилъ посѣщеніемъ своимъ генералъ-адъютанта князя Меншикова, тяжело раненаго и лежавшаго въ палаткѣ, въ самомъ лагерѣ. Государь изволилъ благодарить его за примѣрно-отличную службу, и собственноручно возложилъ на него орденъ Св. Александра Невскаго. Это посѣщеніе и милостивыя слова Его Императорскаго Величества на столько одушевили и утѣшили доблестнаго князя, что онъ началъ видимо поправляться, и

придали ему столько силъ, что онъ могъ отправиться въ Николаевъ для возстановленія своего здоровья.

Того же 29 августа, по распоряженію Государя, отрядъ гвардіи, подъ командою генераль-адъютанта Головина, перешелъ на другую сторону лимана Девно, и занялъ высоты, ближайшія къ южной сторонѣ Варны, которая такимъ маневромъ обложена была со всѣхъ сторонъ нашими войсками.

30 числа свезено было съ корабля «Парижъ» нѣкоторое число матросовъ гвардейскаго экипажа и высажено на берегъ, по южную сторону крѣпости, для устроенія тамъ редута, при которомъ возведенъ былъ вскорѣ и телеграфъ. По обложеніи такимъ образомъ крѣпости со всѣхъ сторонъ, осажденнымъ прекращена была всякая возможность получить какое либо подкрѣпленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ двѣ бреши, сдѣланныя нашими войсками въ варнскихъ крѣпостныхъ стѣнахъ, немало способствовали къ предпринятію приступа. Но Государь Императоръ, движимый человеколюбіемъ, и во избѣжаніе напраснаго пролитія крови, повелѣлъ адмиралу Грейгу предложить письменно капудану-пашѣ (Иззетъ Магомету, главному начальнику Варны) сдать крѣпость, обезпечивая какъ за нимъ, такъ и за войсками его и жителями города сохраненіе ихъ собственности. На адмиральскомъ кораблѣ «Парижъ» поднятъ былъ переговорный флагъ, и пальба прекращена какъ съ кораблей, такъ и съ сухопутныхъ нашихъ укрѣпленій. Адмиралъ Грейгъ отправилъ меня съ флигель-адъютантомъ кап.-лейт. Римскимъ-Корсаковымъ въ крѣпость къ капудану-пашѣ, съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «Покажѣть крѣпость не была обложена со всѣхъ сторонъ нашими войсками, она могла надѣяться получить подкрѣпленіе; теперь же всѣ сообщенія какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, прерваны; крѣпостныя укрѣпленія большею частію разрушены, и потому дальнѣйшее сопротивленіе послужитъ только къ напрасному пролитію крови. Желая избѣгнуть этого, я предлагаю вамъ сдать крѣпость, обѣщая съ моей стороны неприкосновенность всякой вашей и подчиненныхъ вашихъ собственности. Если же парламентары наши, которымъ дозволено оставаться на берегу не болѣе

двухъ часовъ, возвратятся безъ удовлетворительнаго съ вашей стороны отвѣта, то военныя дѣйствія тотчасъ же возобновятся». Отправившись подъ парламентаревимъ флагомъ къ крѣпости и съѣхавъ на берегъ, мы прождали около двухъ часовъ, пока насъ принялъ капуданъ-паша въ нарочно для того устроенной палаткѣ, внѣ крѣпостной стѣны. Этотъ сановникъ, который на первое письменное предложеніе адмирала Грейга, при самомъ началѣ осады, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, о сдачѣ крѣпости, такъ гордо отвѣчалъ адмиралу въ своемъ письмѣ (*), прочиталъ привезенное мною письмо, и на этотъ разъ уже изъавилъ желаніе видѣть адмирала, и вступить съ нимъ въ переговоры о сдачѣ крѣпости. Онъ отправилъ тотчасъ же на корабль «Парижъ» двухъ своихъ чиновниковъ, которые, прибывъ въ одно время съ нами на корабль, были приняты съ почетомъ, и приглашены въ адмиральскую какюту. Государь Императоръ находился въ боковой прилегавшей какотѣ и распоряжалъ переговорами. Въ числѣ этихъ посланныхъ, какъ мы потомъ узнали, находился Юсуфъ-паша, командовавшій албанскими войсками въ крѣпости. Посланные объявили адмиралу Грейгу, что имъ поручено начать переговоры не только о сдачѣ крѣпости, но и о заключеніи мира. Когда адмиралъ спросилъ, уполномочены ли они капуданомъ-пашею вести переговоры о сдачѣ крѣпости, они отвѣчали, что капуданъ-паша поручилъ имъ только заявить адмиралу желаніе войти съ

(*) Вотъ копія этого письма, помѣщаемая здѣсь какъ образецъ восточной оригинальности: «Высокопочтенному, любезному адмиралу Грейгу, командующему російскимъ флотомъ. Я имѣлъ честь и удовольствіе получить ваше письмо, изъ коего вижу, что ваше превосходительство, полагаясь на великое число войскъ и гордясь превосходствомъ своихъ силъ, предлагаете мнѣ сдать вамъ крѣпость Варну на капитуляцію. Сила и могущество суть въ Богѣ. Божеское провидѣніе никогда не отказывало мусульманамъ въ приближеніи и покровительствѣ. Итакъ, въ полной надеждѣ на Его покровительство и помощь, и сверхъ того, будучи увѣренъ въ искренности и чистотѣ сердца всеагустѣйшаго, великаго, могущественнаго моего великодушнаго благодѣтеля и всемилостивѣйшаго государя-падишаха покровителя міровъ, я соображалъ во всемъ съ его самиденною волею, и получилъ повелѣніе употребить всѣ силы, со всѣми моему попеченію внутренними войсками мусульманскими, для отраженія вашего нападенія. Надѣюсь, что съ помощію Всевышняго, противопоставивъ моя силы вашимъ, буду наслаждаться желанными успѣхомъ побѣды. Да будетъ миръ надъ тѣмъ, кто идетъ по правому пути.»

нимъ въ переговоры. Тогда турецкимъ парламентарамъ предложено было возвратиться въ крѣпость и объявить капудану-пашѣ, что для переговоровъ избранъ Государемъ Императоромъ корабль «Марія», стоявшій тогда въ 400 саж. отъ крѣпости, и чтобы капуданъ-паша немедленно явился самъ или послалъ уполномоченныхъ отъ себя на этотъ корабль, на которомъ, по повелѣнію Государя Императора тотчасъ поднять былъ переговорный флагъ, и военныя дѣйствія повсюду приостановлены. Въ четыре часа пополудни адмиралъ Грейгъ, въ сопровожденіи графа Потоцкаго, статсъ-секретаря Дапкова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нигри (послѣдній въ качествѣ дипломатическаго чиновника, драгомана), явился на корабль «Марія»; а я опять отправленъ былъ въ крѣпость къ капуданъ-пашѣ для приглашенія его на переговоры; но онъ сказавшись больнымъ, послалъ вмѣсто себя трехъ важнѣйшихъ чиновниковъ своихъ, въ числѣ которыхъ находился и упомянутый Юсуфъ-паша. Адмиралъ Грейгъ, въ самомъ началѣ свиданія съ ними, спросилъ: уполномочены ли они капуданомъ-пашею, и согласенъ-ли онъ сдать крѣпость на условіяхъ, изложенныхъ въ письмѣ къ нему? Юсуфъ-паша отвѣчалъ: «что касается до сдачи крѣпости, то это легко уладить; у насъ война между двумя державами произошла неожиданно и болѣе вслѣдствіе интригъ взаимныхъ недоброжелателей—сановниковъ, стоящихъ во главѣ управленія обоими государствами; и потому общая польза, долгъ человечества, выгоды враждующихъ государствъ нашихъ и спокойствіе подданныхъ требуютъ положить всему этому конецъ; къ счастью, присовокупилъ онъ, личное присутствіе самого Государя Императора на флотъ можетъ ускорить исполненіе такого желанія. Что же касается до капудана-пашы, то онъ, пользуясь довѣріемъ султана, вполне убѣжденъ, что совмѣстно съ адмираломъ, который, вѣроятно, также пользуется довѣріемъ своего Монарха,—можетъ вступить въ переговоры какъ о сдачѣ крѣпости, такъ и о заключеніи мира между обѣими державами.» Такимъ образомъ, Юсуфъ-паша, не отвѣчая прямо на сдѣланный ему вопросъ, но продолжая распространяться о мирѣ, произнося высокопарныя фразы, старался, конечно, только продлить пе-

реговоры, и тѣмъ выиграть время. Однако на всѣ его фразы адмиралъ сказалъ ему: «ваши предложенія не имѣютъ между собою никакой связи. Дѣло теперь лишь въ томъ, чтобы овладѣть крѣпостію, осажденною нами со всѣхъ сторонъ. Что же касается до другаго вопроса, то онъ можетъ рѣшиться совершенно особо. Вамъ извѣстно, продолжалъ адмиралъ, превосходство нашихъ силъ; крѣпость обложена со всѣхъ сторонъ; всѣ сообщенія преграждены; поэтому вамъ невозможно получить ни подкрѣпленія, ни какой-либо другой помощи; притомъ городъ наполовину разрушенъ, и покореніе крѣпости неизбежно. Капуданъ-паша и весь горнизонъ доказали свою вѣрность и примѣрную преданность султану, защищая до сихъ поръ крѣпость; но желать еще долѣе сопротивляться значить желать дальнѣйшаго пролитія крови, безъ всякой между тѣмъ пользы». Но, не смотря на всѣ убѣдительные доводы адмирала, Юсуфъ-паша вмѣстѣ съ Капуджи-баши и третьимъ туркомъ повторяли прежнія напыщенные рѣчи, говоря, на примѣръ: «Русскій Государь господствуетъ надъ пространною державою, обладаетъ большими сокровищами, сильный на морѣ и на сушѣ, не имѣетъ нужды ни въ чемъ; потому продолжать непріятельскія дѣйствія и терпѣть неминуемая гибельныя послѣдствія войны несогласно ни съ его великодушіемъ, ни съ добротою сердца, ни съ извѣстными всему свѣту доблестными качествами его; безъ сомнѣнія, такой великій человекъ, такой Государь, не можетъ желать продолженія войны.» Адмиралъ Грейгъ, убѣдившись изъ всего этого, что Юсуфъ-паша не имѣетъ полномочія рѣшить вопросъ о сдачѣ крѣпости, и что всѣ слова, имъ произносимыя, клонятся лишь къ напрасной потерѣ времени, сказалъ: «возвратитесь въ Варну, и узнайте положительно отъ Капудана-паши, сдастъ-ли онъ немедленно крѣпость, и такимъ образомъ прекратитъ дальнѣйшее пролитіе крови, или же предпочитаетъ дожидаться нашего приступа? Капуданъ-паша долженъ безъ всякаго отлагательства объявить свое намѣреніе. Пусть хорошо размыслить и знаетъ, что если крѣпость будетъ взята приступомъ, тогда онъ уже не можетъ ожидать никакого снисхожденія съ нашей стороны. Взятіе крѣпости штурмомъ—дѣло страшное: тогда и голосъ

начальника не дѣйствуетъ надъ подчиненными». Турецкіе парламентареры, выслушавъ адмирала, обѣщали передать слова его капудану-пашѣ, и что на другой день адмиралъ непремѣнно получитъ положительный отвѣтъ. Въ заключеніе адмиралъ сказалъ имъ: «капуданъ-паша непремѣнно долженъ рѣшиться на сдачу крѣпости; отсрочки же до завтрашняго дня я обѣщать не могу, но беру на себя ходатайствовать объ этомъ у Государя Императора; и если Государь благоволитъ дать согласіе, то все-таки необходимо, чтобы завтра утромъ съ восходомъ солнца, капуданъ-паша самъ явился съ рѣшительнымъ отвѣтомъ на корабль «Марія». Если же Государю Императору не угодно будетъ согласиться на отсрочку, то сигналъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій тотчасъ же будетъ поданъ двумя ракетами съ корабля «Парижъ». Послѣ этихъ словъ адмиралъ простился съ посланными и возвратился на корабль «Парижъ». Государь благоволилъ дать согласіе на отсрочку до слѣдующаго дня. Ночь прошла въ глубокой тишинѣ, безъ пальбы, а мнѣ приказано было ночевать въ траншеяхъ, самыхъ ближайшихъ къ крѣпости (и состоявшихъ въ управленіи генерала Лобанова, для надзора за турецкимъ гарнизономъ, чтобы онъ не производилъ никакихъ крѣпостныхъ работъ и исправленій). По возвращеніи моемъ, на разсвѣтъ, на корабль «Парижъ», я вмѣстѣ съ Нигри отправленъ былъ на корабль «Марія» для ожиданія и принятія капудана-паши, такъ какъ на берегу, хотя и гораздо позже назначеннаго времени, былъ наконецъ поднятъ турками бѣлый флагъ. По приказанію адмирала, я отправился на берегъ въ крѣпость, узнать въ точности, прибудетъ ли капуданъ на корабль для переговоровъ, и, если можно, вывѣдать, между тѣмъ, согласенъ ли онъ сдать крѣпость на условіяхъ, предложенныхъ ему чрезъ вчерашнихъ посланныхъ его. Прибывъ въ крѣпость, я прождалъ болѣе часу, пока явился капуданъ-паша; жалуюсь на нездоровье, онъ изъявилъ однако согласіе отправиться въ сопровожденіи Капуджи-баши и другихъ своихъ офицеровъ на корабль «Марія», гдѣ уже находился адмиралъ Грейгъ. Когда капуданъ явился на корабль, то адмиралъ, принявъ его съ должнымъ его сану почетомъ, тотчасъ же обратился къ

нему съ слѣдующими словами: «Государь Императоръ очень не доволенъ тѣмъ, что вы не сдержали слова,—не дали отвѣта съ восходомъ солнца. Его Величество разрѣшилъ мнѣ оставаться здѣсь не болѣе четверти часа: итакъ, на что же вы рѣшились? Желаете вы сдать крѣпость и тѣмъ предупредить пролитіе крови, или рѣшились ожидать нашего приступа? Вы храбро защищались въ продолженіе всего времени осады, и честно исполнили долгъ вѣрноподданнаго; нынѣ же Варна, какъ вамъ извѣстно, окружена со всѣхъ сторонъ и съ моря, и съ суши; всѣ сообщенія прекращены; вы не можете ожидать никакой помощи; вы окружены арміею сильнѣйшею, чѣмъ ваша; большая часть крѣпостныхъ укрѣпленій и самый городъ почти совсѣмъ разрушены,—чего жъ вы ожидаете?» Выслушавъ адмирала, капуданъ-паша тихимъ голосомъ повторилъ то же самое, что наканунѣ сказано было посланными отъ него. «Я имѣю счастье, присовокупилъ онъ, пользоваться довѣріемъ моего султана, я убѣжденъ, что вы, адмиралъ, пользуетесь такимъ же довѣріемъ вашего Государя, доказательствомъ чему служить ваше командованіе такимъ громаднымъ флотомъ; и такъ какъ, къ счастью, повелитель вашъ присутствуетъ здѣсь лично, своею особою, то нужно чтобы мы оба съ вами содѣйствовали къ заключенію мира. Къ чему продолжать войну! къ чему проливать столько крови! двое глупыхъ, равно какъ и умный съ сумасшедшимъ, не могутъ жить вмѣстѣ, но два разсудительныхъ человека всегда уживутся и принесутъ пользу. Что касается до вашего предложенія сдать вамъ крѣпость, то это дѣло легкое, необходимо только прежде заключить миръ между обѣими державами».—«Вопросъ о мирѣ не имѣетъ никакой связи съ предложеніемъ, сдѣланнымъ мною вамъ», возразилъ адмиралъ Грейгъ. «Если бы даже Варна не была окружена нашими войсками, все-таки Государь Императоръ согласился бы принять предлагаемыя вами представленія о мирѣ не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы Варна была занята нашими войсками, какъ бы въ залогъ; никакой отсрочки не можетъ быть вамъ дано, такъ какъ намъ положительно извѣстно еще и то, что вы ожидаете подкрѣпленія, и дѣйствуете медленно съ тѣмъ, чтобы только выиграть время».

При этомъ адмиралъ предъявилъ капудану-пашѣ письма, отправленные имъ и Юсуфъ-пашею въ самый день перемирія съ нарочнымъ къ визирю, и перехваченныя нашими вмѣстѣ съ бурьеромъ, везшимъ ихъ. Въ этихъ письмахъ излагалось бѣдственное состояніе крѣпости, обложенной со всѣхъ сторонъ, и что одна часть укрѣпленія, вмѣстѣ съ эскарпомъ его, почти совершенно разрушена; что войска, назначенныя для защиты крѣпости, бастіоновъ, редутовъ и траншей, недостаточны для сопротивленія непріятелю, котораго силы гораздо многочисленнѣе турецкихъ; что визирь поѣтому долженъ послѣшить на помощь Варяѣ съ войсками, и напасть на непріятеля съ тылу; а гарнизонъ между тѣмъ одновременно съ нимъ сдѣлаетъ вылазку и бросится на осаждающихъ. Въ этихъ письмахъ также увѣдомляли визиря, что дозволено многочисленный корпусъ русскихъ занялъ, нѣсколько дней тому назадъ, дороги константинопольскую и галатскую. Капуданъ-паша, изумленный и сконфуженный, съ раздраженіемъ произнесъ: «эти письма были отправлены до прибытія вашихъ парламентеровъ!»—Я не порицаю, отвѣчалъ адмиралъ, вашего поведенія; въ подобномъ случаѣ всякій на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы, можетъ быть, точно такъ же; но неблагоуразумно и непростительно было бы съ нашей стороны дать вамъ послѣ этого отсрочку. Если вы, продолжалъ адмиралъ, пропустите теперешній случай, и не воспользуетесь условіями, предложенными вамъ, то неприкосновенность собственности, къ которой Государь Императоръ благоволилъ еще прибавить и позволеніе, какъ вамъ лично, такъ равно другимъ пашамъ и всѣмъ начальникамъ, которыхъ вы укажете, сохранить оружіе,—будутъ не дѣйствительны, почему предлагаю вамъ воспользоваться настоящимъ благопріятнымъ для васъ случаемъ». Капуданъ-паша, распространяясь по прежнему фразами, но не говоря ничего положительнаго о сдачѣ крѣпости, началъ увѣрять адмирала, что онъ не одинъ начальникъ гарнизона, что тамъ находится еще другой паша, пользующійся такимъ же вліяніемъ на гарнизонъ, какъ и онъ самъ; да кромѣ того тамъ есть еще двое пашей и многіе начальствующіе надъ отдѣльными частями; что должно имъ дать нѣсколько времени

для софизма; онъ же хотя бы и желалъ сдать крѣпость, но не имѣетъ права рѣшиться на то самъ собою, и что лично своею сдачею крѣпости выказалъ бы себя подлымъ человекомъ». Послѣ такихъ толковъ, адмиралъ распрощался съ капуданомъ-пашею, однако выразивъ ему свое удивленіе, какъ онъ рѣшился прибыть на корабль, не рѣшившись вмѣстѣ съ тѣмъ на сдачу крѣпости; «жалѣю, присовокупилъ адмиралъ, что вы нездоровы; но я дѣйствую согласно повелѣнію моего Государя, которое я долженъ исполнить безъ всякаго измѣненія, и потому прошу извинить меня, что оставляю васъ, и отправляюсь на свой корабль».—Я проводилъ до берега капудана-пашу вмѣстѣ съ лицами, сопровождавшими его. Капуданъ-паша въ задумчивости и горести оттого, что его предложенія не были приняты, говорилъ: «дѣла такой великой важности не рѣшаются въ одинъ часъ; это не дѣтская игрушка! необходимо по крайней мѣрѣ нѣсколько дней для того, чтобы рѣшить подобное дѣло; надобно теперь уговорить Юсуфа-пашу съ другими пашами и прочихъ начальниковъ, равно какъ и главныхъ аяновъ (начальствующихъ лицъ въ городѣ), да и самыхъ жителей; нужно съ каждымъ переговорить отдѣльно. Легкое ли дѣло сладить съ цѣлымъ гарнизономъ, состоящимъ изъ 25 т. человекъ! Вы безпрестанно рассказываете о великодушіи вашего Монарха, а между тѣмъ требованіе сдать крѣпость противурѣчить этому».—Такое правило принято у всѣхъ европейскихъ государствъ, сказалъ я: никогда не давать отсрочки въ подобныхъ обстоятельствахъ. Нашъ Монархъ дѣйствуетъ съ чистою душою, потому желаетъ, чтобы всѣ дѣйствовали такъ же.—«Много крови прольется, сказалъ капуданъ-паша: да будетъ воля Божія! Когда человекъ принужденъ повинуть родину, бросить свой домъ, свое поле, свои виноградники, и блуждать по свѣту,—у него не останется ничего болѣе, что привлекало бы его къ жизни».—Однакоже сохраненіе собственности вамъ обѣщано, сказалъ я. Другіе чиновники, находившіеся съ капуданъ-пашею, повинуваясь образу его мыслей, говорили: «наши войска никогда не согласятся сдаться». Между тѣмъ катеръ присталъ къ берегу, и мы распрощались. Въ крѣпости бѣлый флагъ былъ спущенъ,

и въ то же время на кораблѣ «Марія» поднять красный флагъ, при появленіи котораго возобновлены были военныя дѣйствія, и открытъ огонь какъ съ сухопутныхъ нашихъ батарей, такъ и съ судовъ.

Въ продолженіе перемирія и переговоровъ произошелъ слѣдующій замѣчательный эпизодъ: одинъ изъ вліятельныхъ въ крѣпости Бинь-башей (полковой командиръ), съ нѣкоторыми приближенными въ нему лицами, пользуясь перемиріемъ, приблизился къ нашимъ траншеямъ, и, не встрѣчая препятствій со стороны нашихъ войскъ, свободно прошелъ всѣ наши траншеи, такъ что, наконецъ, явился въ самый лагерь. Здѣсь всѣ они приняты были хорошо, и, прогуливаясь, по лагерю разсматривали, между тѣмъ, все со вниманіемъ. Потомъ они вздумали было возвратиться тѣмъ же путемъ въ крѣпость; но тутъ имъ объявили, что ихъ нельзя отпустить, потому что они разсматривали наши траншеи и лагерь. Пораженный такимъ объявленіемъ Бинь-баша убѣдительно просилъ представить его Государю Императору, вполнѣ надѣясь на великодушіе нашего Монарха. И въ самомъ дѣлѣ, когда Бинь-баша былъ доставленъ на корабль «Парижъ», Государю благоугодно было лично его спрашивать, чрезъ меня, о положеніи крѣпости, о духѣ гарнизона и о томъ, сколько времени можно еще ему держаться. На эти вопросы турецкій начальникъ отвѣчалъ, что крѣпостныя укрѣпленія во многомъ повреждены; что гарнизонъ думаетъ защищаться, въ надеждѣ на скорое и сильное подкрѣпленіе со стороны визиря, который, будто бы, оставивъ Адрианополь, идетъ на помощь Варнѣ; и что между вапуданъ-пашею и Юсуфъ-пашею (начальникомъ албанскихъ войскъ) существуетъ разладъ. Государь Императоръ, довольный его откровенностію, повелѣлъ освободить его и приказалъ мнѣ съ княземъ Прозоровскимъ отвезти его съ прочими, сопровождавшими его турками, въ крѣпость, что мы и исполнили, во время самой пальбы съ крѣпости и съ нашихъ укрѣпленій. Бинь-баша, прониженный чувствомъ благодарности за освобожденіе изъ плѣна, обѣщалъ доставлять свѣдѣнія о положеніи крѣпости и о состояніи гарнизона; и въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ очень часто, почти каждый день, получались у насъ письма, привязанныя

къ камню и такимъ образомъ бросаемя къ намъ изъ крѣпости.

Вотъ еще нѣкоторыя частныя подробности, не совсѣмъ, можетъ быть, лишеныя интереса, тѣмъ болѣе, что они происходили въ присутствіи Государя; и такъ какъ я велъ журналъ о ежедневныхъ происшествіяхъ, то и помѣщалъ въ немъ все, что считалъ сколько нибудь замѣчательнымъ. Когда Государь Императоръ прибылъ на корабль «Парижъ», командиромъ этого корабля былъ капитанъ 1 ранга Бальзамъ, человѣкъ тучнаго сложенія, страдавшій по временамъ сильною одышкою, и потому не могшій похвалиться расторопностію. Присутствіе же Государя требовало человѣка вполне дѣятельнаго и исправнаго; поэтому адмиралъ Грейгъ назначилъ вмѣсто Бальзама командиромъ «Парижа» капитана 1 ранга Критскаго, только что прель тѣмъ отличившагося истребленіемъ турецкаго укрѣпленія, вмѣстѣ съ пороховымъ складомъ, воалѣ непріятельскаго лагеря близъ Инады, и взятіемъ оттуда девятнадцати пушекъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, назначеніе Критскаго совершенно соотвѣтствовало обстоятельствамъ, требовавшимъ того, во время пребыванія Государя на кораблѣ «Парижъ». Критскій былъ гораздо расторопнѣе и распорядительнѣе своего предмѣстника, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ нелюбимъ на флотѣ за раздражительность своего характера и грубое обращеніе съ подчиненными. Какъ командиръ, онъ желалъ пользоваться всѣми правами, предоставленными командирамъ, т. е. одному управлять и властвовать. Вотъ одно происшествіе, которое я помѣстилъ въ своемъ журналѣ. На кораблѣ «Парижъ» находились двѣ роты гвардейскаго флотскаго экипажа; съ ними былъ и командиръ ихъ, контръ-адмиралъ Беллинггаузенъ. Такъ какъ они принадлежали къ гвардіи, то и не хотѣли исполнять черную работу, содержа только караулы, и выхода въ строй лишь при появленіи Государя по утру на ютъ. Критскому очень не нравилось такое настроеніе гвардейцевъ. Желая подчинить ихъ своей власти и заставить производить всѣ работы на кораблѣ, наравнѣ съ прочими черноморцами, онъ воспользовался однажды удобнымъ случаемъ, и именно при выходѣ Государя на ютъ, въ сопровожденіи адмирала Грейга, графа Нессельроде,

Потоцкаго и другихъ, Критскій свомандовавъ «къ ногѣ», закричалъ громкимъ голосомъ гвардейцамъ: «всякій, кто ѣстъ хлѣбъ Государя, долженъ производить всѣ работы; ступайте подтягивать канаты!» Графъ Потоцкій, а за нимъ и прочіе, услышавъ эти слова, произнесли каждый: «и я ѣмъ хлѣбъ Государя, поэтому и я долженъ работать», и всѣ принялись тоже тянуть канаты. Такою выходкою Критскій заставилъ гвардейцевъ исполнять потомъ всѣ работы на кораблѣ. Другая курьезная его выходка была слѣдующая: всѣ лица, находившіяся при Государѣ и къ свитѣ его принадлежавшія, требовали обыкновенно себѣ катера безъ вѣдома Критскаго и отправлялись на берегъ въ лагерь. Критскому это также не нравилось, и въ одно утро онъ сдѣлалъ распоряженіе не давать катера безъ его особаго приказанія. Одинъ изъ флигель-адъютантовъ (К. Р.), не зная объ этомъ распоряженіи, потребовалъ себѣ катеръ; но когда ему отвѣчали, что онъ долженъ испросить на это позволеніе у командира, то весь разгнѣванный подошелъ онъ къ Критскому, и возвысивъ голосъ, жаловался на непослушаніе и неисполненіе его требованія, присовокупивъ, что онъ, князь, принесетъ жалобу адмиралу. Критскій хладнокровно отвѣчалъ: «развѣ вы здѣсь на почтовой станціи? Я не дамъ вамъ одному катера, пока не соберутся многіе другіе, желающіе отправиться на берегъ; а вы можете-себѣ жаловаться кому угодно». Эти слова были сказаны громко, такъ что были услышаны находившимися на ютѣ адмираломъ Грейгомъ, всѣми другими лицами и даже самимъ Государемъ. Князь подошелъ было къ адмиралу Грейгу съ жалобою, но адмиралъ сказалъ ему: «хотя я адмиралъ, но въ подобныхъ случаяхъ самъ состою въ распоряженіи командира корабля». Тѣмъ кончилась и эта неурядица. Всѣ должны были потомъ просить каждый разъ у Критскаго позволенія взять катеръ. Критскій одержалъ верхъ, но за то нажилъ себѣ много враговъ и между придворными. Государь по прежнему, какъ я говорилъ уже, отправлялся на берегъ, и распоряжался самъ осадными работами, одушевляя и войска, и моряковъ своимъ присутствіемъ, и оставаясь всегда довольнымъ распоряженіями графа Воронцова въ скорѣйшему овладѣнію Варною; на корабль же возвращался всегда въ ве-

селемъ расположеніи духа. Вотъ еще довольно забавный эпизодъ, и я упоминаю о немъ именно потому, что при тогдашнихъ, столь важныхъ, серьезныхъ заботахъ Государя, этотъ эпизодъ не разъ вызывалъ улыбку на уста Монарха. Нигри, о которомъ я выше упоминалъ, что онъ назначенъ былъ состоять при адмиралѣ Грейгѣ, въ качествѣ дипломатическаго чиновника—драгомана, былъ уроженецъ фанариотскій (*), и какъ зять господаря молдаво-валахскаго, Ипсилянты, былъ принятъ въ русскую службу прямо съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Это былъ человѣкъ вообще добрыхъ чувствъ и очень образованный, хорошо знавшій восточные языки, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣвшій нѣкоторыя смѣшныя свои странности: напримѣръ, если онъ вступалъ въ разговоръ съ кѣмъ либо, то, какъ бы съ цѣлю не пропустить ни одного слова, обыкновенно подходилъ такъ близко къ лицу, съ которымъ говорилъ, что чуть не задѣвалъ его своимъ чрезъ-мѣру длиннымъ носомъ, въ то же время хватая его за пуговицу, и, не замѣчая самъ того, обрызгивалъ его своими слюнами. Когда черноморскій флотъ, послѣ покоренія Анапы, шелъ къ Варнѣ, то на пути, около Мангалии и Коварны, близъ которой находится городъ Балчикъ, его свѣтлости князю Меншикову (шедшему также съ нами на кораблѣ «Парижъ» для принятія начальства надъ войсками, назначенными для осады Варны) пришло на мысль обратиться къ Нигри, и спросить: «что значитъ слово Балчикъ»? Нигри, переводя это слово, какъ турецкое, отвѣчалъ, что оно въ переводѣ означаетъ грязь. Тогда князь спросилъ и меня о томъ же. Я, вовсе не зная о предшествовавшемъ разговорѣ его съ Нигри, и производя это слово отъ персидскаго, именно: Балъ — медъ и чикъ—мѣстность, отвѣчалъ, что слово *балчикъ* означаетъ по русски мѣсто, изобилующее медомъ. Потомъ князь постоянно подшучивалъ въ свободное время надъ нами обоими, говоря: «вотъ удивительно! два переводчика одного и того же слова несогласны въ его значеніи: одинъ переводитъ его словомъ грязь, другой медъ; кому же изъ нихъ вѣрить?» Этотъ курьезный слу-

(*) Фанари—одинъ изъ стамбульскихъ кварталовъ, гдѣ живутъ преимущественно греки.

чай сдѣлался извѣстнымъ по всему флоту, и не мало позабавилъ всѣхъ. Нигри разгнѣвался на меня, и еще болѣе рассердился, когда обстоятельства какъ нарочно сложились въ пользу мою: со всего флота отправлены были митросы для фуражировки на берегъ, и именно въ самомъ этомъ Балчикѣ, предъ тѣмъ покинутомъ разбѣжавшимися отъ страха жителями, набрали такъ много меда, что даже потомъ подѣлились имъ съ сухопутными войсками. Надо полагать, что его свѣтлость разсказалъ объ этомъ Государю, потому что Государь въ минуты досуга подходилъ иногда къ Нигри и произносилъ обыкновенно фразу на турецкомъ языкѣ: ла иллахъ илла аллахъ, сдѣлавъ его съ улыбкою «ну, такъ какъ же, Нигри что такое значить Балчикъ—грязь или медъ?» Съ Нигри случалось еще много другихъ забавныхъ анекдотовъ, такъ что извѣстный живописецъ Воробьевъ, состоявшій въ свитѣ Государя, списалъ его въ разныхъ видахъ въ своемъ альбомѣ. Государь, разсматривая этотъ альбомъ и находя большое сходство съ фizioноміей Нигри, улыбался отъ всей души.

4 сентября, Государь Императоръ былъ обрадованъ важнымъ донесеніемъ, полученнымъ отъ графа Паскевича, объ одержаніи имъ блистательной побѣды надъ турками и о взятіи крѣпости Ахалцыхъ; на корабль «Парижъ», по случаю этого радостнаго извѣстія, поднять былъ Императорскій штандартъ, и сдѣланъ со всего флота и въ лагерѣ салютъ по 101 выстрѣлу.

6-го, прибылъ изъ Одессы на корабль «Парижъ» генералъ-адъютантъ В. Ф. Адлербергъ, съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ, въ добромъ здоровьѣ, Государыни Императрицы изъ Одессы въ Петербургъ. Того же числа прибылъ изъ Варшавы нѣкто полковникъ Залуцкій, рекомендованный Государю Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, какъ человѣкъ очень образованный и какъ опытный специалистъ въ военномъ дѣлѣ. Государь принималъ его весьма милостиво и, вѣроятно въ угодность Великому Князю, далъ Залуцкому тотчасъ же очень важное порученіе. Послѣдствія, однакоже, доказали, что онъ не сумѣлъ оправдать этого высокаго къ нему довѣрія.

9-го числа прибылъ на корабль «Парижъ» изъ главной квартиры арміи генералъ отъ инфантеріи графъ Дибичъ и вмѣстѣ съ

Адлербергомъ поселился на кораблѣ. Между тѣмъ, полученіи были извѣстія о выступленіи изъ Адріанополя турецкихъ войскъ, шедшихъ на помощь Варнѣ, съ цѣлію напасть съ тыла на наши войска (расположенныя по южную сторону Варны) одновременно съ гарнизономъ, который долженъ былъ сдѣлать вылазку. Поэтому графу Воронцову повелѣно было выслать въ рекогносцировку за рѣку Камчикъ небольшой отрядъ изъ гвардейскаго егерскаго полка и уланъ. Эту то рекогносцировку и поручили полковнику Залуцкому. Такимъ образомъ командиръ егерскаго полка генералъ Гартунгъ и съ нимъ два полковника оказались въ полномъ распоряженіи Залуцкаго. Это, какъ говорили впоследствии, и было одною изъ причинъ неудачи предпріятія. Залуцкій, еще неуспѣвшій приобрести довѣрія къ себѣ подчиненнаго къ нему отряда, и не развѣдавъ хорошо мѣстности, завелъ его въ кустарники, и, подвигаясь впередъ, очутился неожиданно почти въ самомъ лагерѣ турокъ. Эти, полагая, вѣроятно, что русскіе въ большомъ числѣ дѣлаютъ на нихъ нападеніе, смѣшались и думали было даже бѣжать; но, замѣтивъ медленность дѣйствія и малочисленность нашего отряда, съ яростію напали на него и окружили со всѣхъ сторонъ; отрядъ же, между тѣмъ, отступая, сбившись съ дороги и смѣшавшись въ кустарникахъ, былъ подавленъ большинствомъ непріятеля, и разбитъ, при чемъ, какъ извѣстно, убиты генералъ Гартунгъ, оба упомянутые полковника и около 500 челов. гвардейцевъ. Государь былъ очень не доволенъ, узнавъ объ этомъ печальномъ дѣлѣ: разгнѣванный осыпалъ его упреками Залуцкаго и приказалъ ему немедленно возвратиться въ Варшаву, не смотря на то, что Залуцкій оправдывался тѣмъ, будто бы несчастіе это произошло не столько по его винѣ, сколько по недоброжелательству къ нему генералъ-адъютанта Головина, командовавшаго войсками, расположенными по южную сторону крѣпости, и невыславшаго на помощь къ нему необходимаго подкрѣпленія; уцѣлѣвшіе гвардейцы егерскаго полка тогда же переведены были въ армейскіе полки. Турки же, одобреныя одержаннымъ ими успѣхомъ надъ русскими, при неудачной рекогносцировкѣ Залуцкаго, рѣшились 12 числа выйти изъ своего лагеря, и сдѣлать нападеніе на наши войска, располо-

женныя по южную сторону крѣпости; въ то же время гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и напалъ на нихъ съ тыла. Не смотря на превосходство силъ непріятеля и отчаянную отвагу его, онъ былъ отбитъ съ урономъ около 1500 челов. Наши потерпѣли также значительную потерю, и потому необходимо было усилить этотъ отрядъ; по повелѣнію Государя, изъ лагеря былъ перевезенъ на судахъ на южную сторону лейбъ-гвардіи павловскій полкъ; это подкрѣпленіе тѣмъ болѣе было необходимо, что, по распоряженію Государя, генераль Бистромъ съ своимъ отрядомъ и въ соединеніи съ войсками, только что прибывшими изъ подъ Шумлы, подъ командою принца Виртембергскаго Евгенія, долженъ былъ 18 числа сдѣлать нападеніе на нашу Омеръ-Вріоне, стоявшаго лагеремъ при мѣстечкѣ Куртенѣ, близъ Камича, и вытѣснить оттуда турецкія войска. Принцъ Евгений смѣло двинулся на сильно-укрѣпленный лагерь турокъ; въ особенности бригада подъ командою генерала Дурново, съ немовѣрною отважностію устремилась на турецкіе ретраншаменты, и въ самомъ началѣ битвы овладѣла ими; но тутъ же, въ сожалѣнію, храбрый Дурново былъ сраженъ пулею. Солдаты, въ отчаяніи и желая отмстить за смерть любимаго своего начальника, хотя и оказали чудеса храбрости, бросившись въ штыки на турокъ, но, будучи встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ многочисленнаго непріятеля, должны были отступить, и даже оставить занятые ими редуты, спасаясь отъ конечной гибели. Турки, правда, удержали свою позицію, но за то потерпѣли большой уронъ; наши же достигли главной своей цѣли, т. е. послѣ этого сраженія турки не смѣли уже болѣе выходить изъ своего укрѣпленнаго лагеря и гарнизонъ Варны потерялъ такимъ образомъ всякую надежду на полученіе подкрѣпленія.

22-го прибылъ изъ Одессы на кораблѣ «Пантелеймонъ» дипломатическій корпусъ, состоявшій изъ посланниковъ: французскаго—Дюка-де Мортемара, австрійскаго—принца гессенгобургскаго, шведскаго—генерала Пальмстерна и ганноверскаго—генерала Дернберга. Этотъ дипломатическій корпусъ находился предъ тѣмъ въ Одессѣ, и, желая видѣть дѣйствія нашихъ войскъ и осаду Варны, болѣе, вѣроятно, прослѣдить намѣренія грознаго для всей Европы юнаго Монарха нашего,

просилъ у Государя позволенія прибыть на Варнскій рейдъ. Государь Императоръ велѣлъ отправить корабль «Пантелеймонъ» въ Одессу за посланниками, и привезти ихъ. Присутствіе этихъ господъ тяготило Государя, такъ какъ до свѣдѣнія его начали доходить слухи, что Англія, Франція и Австрія, предполагая въ русскомъ Монархѣ завоевательные виды, затѣвали втихомолку коалицію, съ цѣлію воспрепятствовать завоеванію нами Константинополя. Сверхъ того, свѣдѣнія, получаемыя изъ подъ Шумлы и Силистріи также не слишкомъ радовали Императора, потому что не столько военныя дѣйствія, сколько эпидемическія болѣзни начали уменьшать тамъ численность нашихъ войскъ. Всѣ эти обстоятельства и притомъ скорое наступленіе осени съ ненастными погодками заставляли принять энергическія мѣры къ скорѣйшему овладѣнію крѣпости; и потому осадныя работы производились съ большою дѣятельностію. Три мины были изготовлены въ самомъ рвѣ крѣпости и направлены подъ крѣпостную стѣну; нужно было ихъ взорвать, для того, чтобы совершенно разрушивъ стѣны и бастіоны крѣпости, уровнять тѣмъ проходъ чрезъ ровъ, и такимъ образомъ сдѣлать болѣе удобнымъ предложенный приступъ. 21-го въ 2 часа пополудни взорваны были двѣ изъ этихъ минъ. Взорвъ, при разрушеніи части крѣпостной стѣны съ бастіономъ, образовалъ огромный дымъ, распространившійся надъ всею крѣпостію. Болѣе часа нельзя было, за густымъ дымомъ, различить предметовъ; пальба же между тѣмъ изъ нашихъ осадныхъ огромнаго калибра орудій наносила много вреда гарнизону. Но каково было удивленіе нашихъ, когда они увидѣли потомъ, какъ турки (полагавшіе, вѣроятно, что наши дѣлаютъ приступъ), отвѣчали на пальбу своимъ ружейнымъ огнемъ, собравшись для отбитія воображаемаго ими приступа. Такая смѣлость со стороны осажденныхъ была явнымъ доказательствомъ, что они рѣшились держаться до послѣдней капли крови. На другой день Государь Императоръ, проникнутый чувствами челоуѣколюбія, всегда отличавшими характеръ нашего могущественнаго Монарха, и въ желаніи избѣгнуть пролитія крови и гибели нѣсколькихъ тысячъ своихъ храбрыхъ воиновъ, повелѣлъ предложить въ послѣдній разъ, письменно, капудану-

пашѣ отказаться отъ дальнѣйшаго безполезнаго сопротивленія. Въ этомъ письмѣ объяснялась совершенная невозможность какъ получить подкрѣпленіе Варшѣ со стороны турецкихъ войскъ, расположенныхъ на высотахъ къ югу отъ крѣпости, такъ равно и гарнизону соединиться съ ними, такъ какъ эти послѣдніе окружены были нашими войсками: словомъ, фактически доказывалось, что гарнизону нельзя ожидать ни откуда никакой помощи. Ничто, однакожъ, не могло сломить упрямства капудана-пашѣ. Письмо это, отъ имени адмирала Грейга, было доставлено и передано не лично капудану-пашѣ, а его секретарю, чрезъ котораго онъ обѣщалъ прислать отвѣтъ на другой день. Въ этотъ самый день Государь былъ обрадованъ извѣстіемъ о разбитіи на голову виддинскаго пашѣ въ Малой Валахіи генераломъ Гейсмаромъ и о блистательныхъ подвигахъ нашихъ войскъ въ Азіатской Турціи. Графъ Паскевичъ доносилъ, что городъ Базетъ и многія другія укрѣпленныя мѣста были покорены нашими храбрыми кавказцами. Между тѣмъ, въ ожиданіи обѣщаннаго со стороны капудана-пашѣ отвѣта, взорвана и трети мина, окончательно разрушившая бастіонъ у самаго берега моря, и образовавшая широкую и удобопроходимую брешь. Скоро послѣ этого послѣдняго взрыва турки дали знать, что они готовы отправить къ намъ въ лагерь парламентеровъ, для совѣщанія о сдачѣ крѣпости. И въ самомъ дѣлѣ, 29 числа секретарь капудана-пашѣ, въ сопровожденіи турецкихъ чиновниковъ, явился въ нашъ лагерь къ графу Воронцову; и по повелѣнію Государя, графъ Дибичъ вступилъ съ нимъ въ переговоры. На этихъ переговорахъ турки ведали было просить отсрочки на 36 часовъ, для того, будто бы, что имъ нужно отправить нарочнаго къ великому визирю, стоявшему у Айдоу лагеремъ, и испросить его согласіе на сдачу крѣпости. Графъ Дибичъ отвергнулъ такое вовсе неумѣстное ихъ предложеніе, сдѣланное, конечно, съ цѣлію, опять только выиграть время. Когда удалились парламентеры, все было приготовлено къ приступу, по распоряженію графа Воронцова, получившаго предварительно повелѣніе о томъ отъ Государя. Положено было атаковать предъ рассвѣтомъ первый съ моря бастіонъ, овладѣть имъ и укрѣпиться на немъ, ограничиваясь на первый

разъ только этимъ овладѣніемъ. Для предназначеннаго штурма избраны были 600 человекъ охотниковъ изъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ, преимущественно изъ 13 и 14 егерскихъ и вмѣстѣ съ ними 150 матросъ, подъ командою капитанъ-лейтенанта Зайцевскаго. По данному сигналу, около 5 часовъ утра, Зайцевскій, съ матросами впереди, двинулся къ бастиону, и занялъ его, разбивъ сопротивлявшихся тамъ турокъ. Наши саперы приступили было къ постановкѣ турокъ и къ оборонительнымъ работамъ; но матросы и прочіе охотники, ободренные первымъ успѣхомъ, не остановились на занятомъ бастионѣ, какъ имъ было приказано, а двинулись впередъ въ крѣпость. Невстрѣчая никакого препятствія, они прошли нѣсколько улицъ, и вдругъ очутились предъ непріятельскимъ гарнизономъ, стоявшимъ подъ ружьемъ и приготовившимся къ отбою приступа. Увидѣвъ себя въ такой безвыходной опасности, наши стали отступать, но при этомъ смѣшались въ улицахъ; а турки, увидѣвъ малочисленность нашего отряда, бросились преслѣдовать его, и, нагоняя, легко истребляли. Хотя наши мужественно отбивались, но большая часть ихъ сдѣлались жертвою турокъ, и самъ Зайцевскій, раненый, успѣлъ лишь съ немногими изъ отряда своего спастись отъ совершенной гибели, и возвратиться въ лагерь безъ всякаго успѣха. Войска наши, увидѣвъ, что охотники такъ легко овладѣли турецкимъ бастиономъ, хотѣли также послѣдовать примѣру ихъ, и тоже пошли было на приступъ; только приказанія и настоятельныя просьбы ихъ начальника (начальника штаба, генерала Шеншина) едва могли удержать ихъ отъ этого доблестнаго, но, къ сожалѣнію, неумѣстнаго, напраснаго порыва. Впрочемъ, уронъ турокъ былъ гораздо значительнѣе нашего: они потеряли, какъ мы узнали впоследствии, болѣе 1000 человекъ, такъ какъ во время приступа, пальба съ нашихъ кораблей и батарей не умолкала, и нанесла много вреда гарнизону. Государь во все время приступа находился съ адмираломъ Грейгомъ и со всею свитою своею на ютѣ корабля «Парижъ», и смотрѣлъ на этотъ приступъ въ телескопъ. Въ началѣ Государь былъ доволенъ быстротою и отважностію, съ какими наши овладѣли бастиономъ; но когда увидѣлъ, что наши гибнутъ, отступая, то на глазахъ

этого великодушнаго Монарха навернулись слезы. Всѣ мы были свидѣтелями столь человѣколюбиваго чувства Государева: это соболѣзнованіе о гибели людей и было настоящею причиною, почему Государь никакъ не хотѣлъ согласиться на генеральный штурмъ Варны. Вечеромъ того же дня, по повелѣнію Государя, вновь было объявлено капудану-пашѣ и прочимъ начальникамъ гарнизона, что наши намѣрены сдѣлать приступъ, и потому, во избѣжаніе совершенно напраснаго пролитія крови, предлагалось имъ сдаться безъ боя. Въ отвѣтъ на это они обѣщали непремѣнно прислать на другой день парламентеровъ въ нашъ лагерь, для переговоровъ; въ самомъ дѣлѣ, 25 числа Диванъ-эфенди, старшій секретарь капудана-паши, въ сопровожденіи аги (одного изъ начальниковъ войскъ) прибылъ на корабль «Парижъ», и послѣ долгаго совѣщанія съ адмираломъ Грейгомъ, обѣщавъ къ вечеру дать рѣшительный отвѣтъ. Приступъ, сдѣланный наканунѣ, значительная потеря въ гарнизонѣ, страхъ, объявшій турокъ, видѣвшихъ неустрашимость какой нибудь горсти людей, такъ отважно проникнувшихъ въ самую середину ихъ крѣпости, все это заставило парламентеровъ быть уступчивѣе, въ особенности, когда имъ выставили на видъ, что ихъ гарнизонъ не въ состояніи отбить генеральнаго штурма нашихъ храбрыхъ войскъ. Вечеромъ того же дня Юсуфъ-паша, въ сопровожденіи упомянутаго секретаря и другихъ лицъ, явился въ лагерь къ графу Воронцову. По приказанію Государя, адмиралъ Грейкъ съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Фонтаномъ (дипломатическимъ чиновникомъ) тотчасъ же отправился въ лагерь также на эти переговоры. Юсуфа-паша, признавшись, что Варна не въ состояніи болѣе держаться, убѣдительно просилъ о перемиріи, и желая притомъ знать послѣдствія условія капитуляціи. Ему объявлено было, что турки должны безусловно сдать крѣпость и положить оружіе. Тогда Юсуфъ-паша сказалъ, что самъ онъ рѣшился уже на сдачу крѣпости, и возвращается туда только для того, чтобы убѣдить въ этой сдачѣ и капудана-пашу, и что онъ, Юсуфъ-паша, согласится ли капуданъ-паша или нѣтъ, во всякомъ случаѣ непремѣнно явится опять въ нашъ лагерь. Диванъ-эфенди и прочіе турецкіе чи-

новники завѣряли, что и они съ своей стороны также согласны на эти предложенія. Съ этимъ то первымъ извѣстіемъ и былъ я отправленъ адмираломъ Грейгомъ къ Государю Императору на корабль. Когда я доносилъ о томъ Государю, въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича, Нессельроде, Адлерберга и прочихъ, то Государь Императоръ былъ очень доволенъ, и ему благоугодно было спросить меня: «а Варна?» Я смѣло и утвердительно отвѣчалъ: чрезъ два дня Варна падетъ предъ знаменами Вашего Величества. Государь, видимо довольный моимъ отвѣтомъ, и пропѣвъ: «Разумѣйте языцы и покоряйтесь яко съ нами Богъ», изволилъ сказать навсегда достопамятныя для меня и потомства моего слова: «благодарю, я тебя не забуду». Условія, предложенныя съ нашей стороны туркамъ на переговорахъ, были, однако, отринуты капуданомъ-пашею. Иззетъ Магометъ (капуданъ-паша) не хотѣлъ и слышать о капитуляціи, и, запершись въ цитадели съ 450 челов. регулярнаго войска, находившагося лично при немъ въ крѣпости, рѣшился умереть съ оружіемъ въ рукахъ. На слѣдующій день, около 11 часовъ утра, Юсуфъ-паша, съ сыномъ своимъ 18-ти лѣтнимъ юношею и пятнадцатью начальниками албанскихъ войскъ, ему подчиненныхъ, явился въ нашъ лагерь, и тутъ же объявилъ, что отдается намъ какъ военноплѣнный, и предастъ свою судьбу милостивому воззрѣнію Русскаго Монарха. Какъ въ продолженіе переговоровъ, такъ и въ это время изъ крѣпости не стрѣляли; но такъ какъ капуданъ-паша не хотѣлъ согласиться на сдачу крѣпости, и нарушилъ обѣщаніе (потому что отъ лица его секретарь и другіе уполномоченные, бывшіе на переговорахъ, согласились принять ваши условія), то военныя дѣйствія возобновились, и пальба со всѣхъ судовъ и батарей была открыта. За Юсуфъ-пашею послѣдовало къ намъ въ лагерь много турокъ, вмѣстѣ съ албанскимъ войскомъ, въ числѣ болѣе 4000 человѣкъ, въ полномъ вооруженіи, и они остановились у палатки, устроенной для Юсуфъ-паши, ихъ предводителя. Государь, въ сопровожденіи иностранныхъ пословъ, свиты и генераловъ, свободно ходилъ по лагерю, не обращая вниманія на опасность, которой подвергался отъ присутствія нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ вооруженныхъ турокъ: и въ самомъ

дѣлѣ, если бы эти люди понимали сущность дѣла, и были коварны (у насъ въ лагерѣ почти не было войскъ, такъ какъ всѣ они расположены были въ укрѣпленіяхъ и траншеяхъ), то могли бы нанести много вреда или по крайней мѣрѣ произвести большую сумятицу. Графъ Воронцовъ, замѣтивъ опасность, которая окружала особу Государя и весь лагерь, со стороны фанатиковъ мусульманъ, немедленно послать просить высылки поддержанія отъ Великаго Князя Михаила Павловича, стоявшаго лагеремъ съ гвардейскимъ полкомъ на высотахъ, въ виду крѣпости Варны, съ сѣверной ея стороны; но поддержаніе это не прежде могло прибыть какъ по крайней мѣрѣ часа черезъ два. Преображенскій полкъ и гусары, немедленно спустившись съ высотъ, прибыли наконецъ въ лагерь, и обрѣли албанцевъ. Много труда стояло уговорить ихъ положить оружіе, такъ какъ, сдавшись добровольно, они увѣрены были, что у нихъ не отнимутъ оружія. Только сильныя завѣренія въ томъ, что имъ возвратятъ его, могло убѣдить ихъ согласиться на это. До прибытія гвардейцевъ, хотя и дано было приказаніе не отдавать никакихъ почестей Государю, и не снимать фуражки, съ тѣмъ, чтобы онъ не былъ узнавъ турками, однако, когда Государь, продолжая безбоязненно прохаживаться по лагерю, наконецъ подошелъ къ палаткѣ Юсуфа-паши, который въ то время стоялъ внѣ ея, то этотъ послѣдній, замѣтивъ, что я въ забывчивости невольно снялъ фуражку предъ Государемъ, тотчасъ подошелъ къ нему, и чрезъ меня вступилъ въ разговоръ съ Монархомъ. Юсуфъ удачно воспользовался этимъ случаемъ, и сказалъ, что онъ предастъ судьбу свою великодушнѣе Русскаго Государя, и между прочими милостями успѣлъ испросить себѣ у Государя обѣщаніе вытребовать отъ турецкаго правительства его семейство, т. е. гаремъ и дѣтей, оставшихся въ имѣніи его въ Серезѣ. Государь во вниманіе, къ его заслугѣ, добровольной сдачѣ его намъ со всѣми подчиненными ему албанскими войсками, благосклонно принялъ всѣ его просьбы, назначилъ ему содержаніе по десяти тысячъ руб. въ мѣсяцъ, и тутъ же изволилъ повелѣть, чтобы по занятіи крѣпости двое изъ тамошнихъ пашей съ ихъ гаремами и со всѣмъ

причетомъ до 400 челов., были задержаны, какъ аманаты, впредь до выдачи гарема и семейства Юсуфа-паши.

Впослѣдствіи я же, оставленный въ покоренной крѣпости, въ качествѣ дипломатическаго чиновника сперва при генералъ-адъютантѣ Головинѣ, а потомъ при генералѣ Ротѣ (главнокомандовавшемъ армією, расположенною по ту сторону Дуная), отъ имени этого послѣдняго и велѣ всю переписку съ визиремъ о выдачѣ семейства Юсуфъ-паши; и хотя прошло съ тѣхъ поръ много времени, пока визирь и султанъ наконецъ рѣшились выдать это семейство, поставляя каждый разъ на видъ, что никогда еще не оказывалось подобнаго снисхожденія государственному измѣннику, и только принимая во вниманіе просьбы двухъ пашей, задержанныхъ нами въ залогъ въ Варнѣ, согласились на обмѣнъ, назначивъ его въ самомъ турецкомъ лагерѣ, за рѣкою Камчикъ, куда я съ полковникомъ Кекомъ и былъ отправленъ для исполненія обмѣна. Въ лагерѣ произошелъ было опять разладъ между нами и турецкимъ начальствомъ; турки требовали, чтобы сначала мы выдали пашей; мы же, опасаясь коварства съ ихъ стороны, настоятельно требовали, чтобы они прежде перевезли на нашу сторону гаремъ Юсуфъ-паши. Турки вынуждены были наконецъ согласиться съ нами, и я тогда же, подойдя къ каретѣ, въ которой находился гаремъ (три жены Юсуфа съ дѣтьми его), спросилъ у нихъ съ угрозою: тѣ ли онѣ особы, которыхъ требуетъ Юсуфъ-паша. Послѣ утвердительныхъ завѣреній съ ихъ стороны, мы тогда же, отпустивъ пашей, перевезли гаремъ на нашу сторону, и потомъ благополучно возвратились опять въ Варну.

Послѣ передачи намъ Юсуфъ-паши, графъ Воронцовъ, съ войсками, въ числѣ 4000 челов., измайловскій полкъ и сапѣры впереди, вступилъ въ крѣпость съ барабаннымъ боемъ, и занялъ всѣ бастіоны безъ всякаго сопротивленія. Турки же, бывшіе на бастіонахъ, бѣжали и присоединились къ гарнизону, собравшемуся подъ ружьемъ на площади, среди города, не зная на что рѣшиться. Но когда бапуданъ-паша заперся въ цитадели, съ регулярнымъ войскомъ, и когда турки увидѣли, что всѣ бастіоны заняты нашими, то

и они скоро послѣ того сдались военнопленными. Впрочемъ, до того еще я отправленъ былъ графомъ Воронцовымъ (вѣроятно, графъ сдѣлалъ это изъ расположенія къ адмиралу Грейгу, такъ какъ при графѣ находился свой дипломатическій чиновникъ) къ капудану-пашѣ въ цитадель, съ объявленіемъ ему, что крѣпость уже въ нашихъ рукахъ, и что ему нетолько напрасно, но и невозможно болѣе сопротивляться,—и предложить ему послѣдовать примѣру Юсуфа-паши. Признаюсь, не безъ страха исполнилъ я это приказаніе, потому что долженъ былъ проходить чрезъ улицы Варны, наполненныя вооруженными турками. Многіе изъ нихъ ругались надъ проводниками моими и надо мною самимъ, и грозили намъ смертію; впрочемъ, не отвѣчая на ихъ слова и ругательства, и не смотря на опасность, которой подвергались, мы безпрепятственно прошли мимо нихъ, и достигли благополучно цитадели. Здѣсь я прождалъ съ полчаса, пока капуданъ-паша окончилъ свою вечернюю молитву; и—наконецъ допущенный къ нему я передалъ ему изустно предложеніе графа Воронцова. Капуданъ-паша, выслушавъ меня, сказалъ «я согласенъ сдать и цитадель, но съ тѣмъ, чтобы какъ я, такъ и мое регулярное войско, 500 челов., выпущены были изъ крѣпости съ оружіемъ, иначе я предпочитаю, присовокупилъ онъ, взорваться на воздухъ съ людьми, оставшимися вѣрными султану и отечеству. Возвратившись съ этимъ отвѣтомъ капудана-паши къ графу Воронцову, я, по приказанію его, тотчасъ отправился на корабль «Парижъ» съ донесеніемъ о томъ Государю Императору. Государь, во избѣжаніе кровопролитія, благоволилъ согласиться на просьбу капудана-паши, и приказалъ объявить ему: что Государь дѣлаетъ это во вниманіе къ примѣрному самоотверженію капудана-паши, и не желая его гибели. Я вновь отправленъ былъ ночью съ объявленіемъ капуданъ-пашѣ о согласіи нашего Государя на его просьбу, но съ тѣмъ, чтобы онъ не бралъ съ собою ничего, кромѣ одного только регулярнаго своего войска. И въ самомъ дѣлѣ, на другой день поутру капуданъ-паша стоялъ съ одной стороны у воротъ крѣпости, а съ другой я съ нашимъ комендантомъ занятой крѣпости, полковникомъ Кауфманомъ; и хотя всѣ турки просили капудана-

пашу взять и ихъ съ собою, но онъ пропускалъ только людей регулярнаго войска и состоявшихъ при немъ лицъ (всего до 500 челов.). Послѣ удаленія капудана-паши изъ крѣпости, вся остальная часть нашихъ войскъ, вступивъ въ нее, заняла и цитадель; и тогда же на главномъ бастіонѣ поднять былъ Императорскій флагъ, при появленіи котораго произведенъ былъ со всего флота и съ сухопутныхъ батарей салютъ; въ то же самое время графъ Воронцовъ поднесъ Государю ключи крѣпости Варны. Государь былъ чрезвычайно доволенъ благополучнымъ и скорымъ овладѣніемъ такой важной и сильно-вооруженной крѣпости, какъ Варна, потому что въ ней находилось около 19 т. войска (4 т. албанцевъ; регулярнаго и другаго армейскаго войска около 2 т.; эти 6 т. челов. отпущены были, по повелѣнію Государя, изъ крѣпости), 7 т. челов., по распоряженію главнокомандующаго графа Витгенштейна, несогласившихся на сдѣланную капитуляцію, отправлены были военноплѣнными въ Россію, а 6 т. жителей турокъ, тоже вооруженныхъ, получили позволеніе, сложивъ оружіе, оставаться въ крѣпости или удалиться. Эти послѣдніе однакоже, всѣ до одного покинули Варну. Все это мнѣ положительно извѣстно, потому что, какъ уже сказано, я оставленъ былъ въ крѣпости, по повелѣнію Государя, въ качествѣ дипломатическаго агента при генералахъ Головинѣ и Ротѣ; и потому всѣ бумаги, касавшіяся переписки о туркахъ, проходили чрезъ мои руки. Съ такимъ многочисленнымъ гарнизономъ, какъ варискій, турки могли еще держаться долго, потому что у нихъ; кромѣ того, не было недостатка и въ способахъ защиты (въ крѣпости найдены были большіе запасы оружія, снарядовъ и пороха, да, сверхъ того, визирь со дня на день могъ придти къ нимъ на помощь), присовокупивъ къ тому наступленіе глубокой осени съ ненастными погодками,—все это могло отодвинуть на неопредѣленное время взятіе крѣпости, или стоило бы страшнаго пролитія крови, при штурмѣ такой крѣпости, какъ Варна. Но, къ счастью для насъ, капуданъ-паша разладилъ съ Юсуфомъ-пашею, начальникомъ отборнаго албанскаго войска, послѣдствіемъ чего и была добровольная передача намъ этого послѣдняго, что много способствовало къ покоренію Варны

безъ штурма, а потому и безъ всякой потери людей. Какъ Государь, такъ и всѣ окружавшіе его особу были очень рады столь счастливому окончанію военныхъ дѣйствій подъ Варною: Государю Императору весьма желательно было поспѣшить въ С.-Петербургъ, рассчитывая прибыть туда во дню рожденія Императрицы Маріи Феодоровны, августѣйшей родительницы своей, да и всѣ тоже радовались скорому возвращенію въ Петербургъ, опасаясь эпидемическихъ болѣзней, развившихся въ арміи. Всѣ, однакоже, пожелали имѣть кабую-либо вещь, на память ихъ нахожденія при осадѣ Варны, и потому всѣ почти обратились ко мнѣ съ просьбою купить имъ что-нибудь изъ турецкаго оружія. Тогда у турокъ, въ особенности у албанцевъ, было богатое оружіе: карабины, ятаганы, пистолеты, сабли дамаскской стали, обдѣланныя въ серебрѣ и даже въ золотѣ. Я купилъ для всѣхъ разнаго рода оружіе, кто какого пожелалъ — кому пистолеты, кому сабли, стонившія, однакожъ, каждая не менѣе 500 руб. на тогдашнія ассигнаціи. Для графовъ Нессельроде, Потоцкаго, Матусевича и Ностица купилъ я сабли. Вотъ что случилось при врученіи одной изъ нихъ графу Потоцкому: извѣстно, что ножи такихъ сабель вверху, возлѣ рукоятки, имѣютъ прорѣзъ; матросъ, несшій и подававшій одну изъ нихъ графу Потоцкому, имѣлъ неосторожность держать ее рукою именно у самаго прорѣза; графъ, не обративъ вниманія на его руку, дернулъ саблю изъ ноженъ, любопытствуя поскорѣе разсмотрѣть клинокъ, и при этомъ порѣзавъ руку матросу, даже отхватилъ ему почти совсѣмъ одинъ палецъ. Графъ тутъ же вынулъ изъ кармана 200 руб. и подарилъ эти деньги раненному матросу.

Вотъ еще одна личность, замѣчательная въ своемъ родѣ, и состоявшая въ свитѣ Государя: это былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Танѣевъ. Вѣроятно, ему поручено было наблюденіе за точнымъ исполненіемъ корабельнаго регламента и возложено попеченіе объ удаленіи всѣхъ случайностей, могшихъ подвергнуть опасности особу Государя: Танѣевъ постоянно не ложился спать до тѣхъ поръ, пока всѣ огни на кораблѣ потушены на кораблѣ. Танѣевъ обыкновенно съ вечера обходилъ всѣ деки корабля, и даже спускался въ трюмъ; яв-

лялся потомъ ко всѣмъ въ камуту, настаивая именемъ Государа тушить огни и не курить. Сколько разъ входилъ онъ въ споры съ графомъ Матусевичемъ, занимавшимся иногда до 2-хъ часовъ ночи и заставлявшимъ насъ переписывать депешы, отправляемыя почти ежедневно къ Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государынямъ Александрѣ Θεодоровнѣ и Маріи Θεодоровнѣ въ Одессу и Петербургъ,—и не уходилъ спать, пока не были потушены всѣ свѣчи.

На другой день по покореніи Варны, получено было извѣстіе, что паша Омеръ-Вріоше, занимавшій высоты по южную сторону Варны въ укрѣпленномъ лагерѣ, вдругъ его покинулъ, и съ такою поспѣшностію бѣжалъ за рѣку Камчикъ, что наши войска хотя и преслѣдовали его, но не могли настигнуть и нанести ему большого вреда.

30-го сентября отслужено было на флотѣ и въ нашемъ лагерѣ благодарственное молебствіе за покореніе Варны. Въ 11 часовъ утра того же дня явился изъ Варны на корабль «Парикъ» греческій митрополитъ съ почетнѣйшими гражданами города, съ хлѣбомъ и солью, поздравлявшіе Государа съ покореніемъ Варны, и готовые возносить теплыя молитвы ко Всевышнему о дарованіи здравія и всякаго благополучія великому царю православному; при этомъ митрополитъ благословилъ Монарха иконою Пресвятой Богородицы, и предложилъ ему эту икону въ даръ. Государь принялъ ихъ всѣхъ милостиво, благоволивъ объявить имъ, чтобы они обратились съ просьбою о нуждахъ своихъ въ комитетъ, нарочно имѣющій быть учрежденнымъ для изысканія средствъ въ улучшенію города Варны и обезпеченіи участи гражданъ; и въ то же время подарилъ митрополиту богато-украшенный брилліантами крестъ, приказавъ тутъ же выдать ему 500 червонцевъ на исправленіе церквей, пострадавшихъ во время осады Варны. Тотчасъ по занятіи крѣпости назначенъ былъ сверхъ коменданта коменданта Кауфмана, по повелѣнію Государа, военнымъ начальникомъ генералъ-адъютантъ Головинъ, командовавшій крѣпъ тѣмъ отрядомъ нашихъ войскъ, расположенныхъ на южную сторону крѣпости, и на которомъ Залучный слагалъ всю неудачную рекогносцировку своей. Это почетное удаленіе дола-

звало, что Государь все-таки находилъ и Головина не совсѣмъ правымъ въ дѣлѣ Залуцкаго. Тогда же приступили къ очищенію улицъ, на сколько возможно было въ такое короткое время, отъ мертвыхъ тѣлъ и нечистотъ, оставленныхъ непріателемъ на улицахъ незарытыми, — такъ какъ Государь изъявилъ желаніе лично осмотрѣть завоеванную крѣпость. И въ самомъ дѣлѣ, на слѣдующій день, именно 1 октября, Государь въ сопровожденіи адмирала Грейга, всего своего штаба и иностранныхъ посланниковъ, отправился на берегъ, и съ присоединившимися Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и графомъ Воронцовымъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Варну. Государь прежде всего отправился въ церковь, чудеснымъ образомъ уцѣлѣвшую отъ разрушенія, — въ которой и отслужено было тѣмъ же митрополитомъ благодарственное молебствіе за дарованный Богомъ успѣхъ и побѣду. При возглашеніи многолѣтія Государю и всему августѣйшему дому, произведенъ былъ салютъ съ крѣпости и съ нашего флота изъ всѣхъ орудій. При этомъ случаѣ Государь приказалъ выдать еще 500 червонцевъ митрополиту для вспомошествованія жителямъ, болѣе или менѣе пострадавшимъ отъ осады. Потомъ Государь поѣхалъ осматривать всѣ наши осадныя работы, какъ то: траншеи, батареи, бреши и вмѣстѣ съ тѣмъ пожелалъ видѣть также и непріятельскія укрѣпленія, служившія туркамъ обороною противъ насъ. По окончаніи этого осмотра, Государь подѣхалъ къ войскамъ нашимъ, стоявшимъ въ строю подъ ружьемъ, и лично изволилъ благодарить ихъ за труды, за храбрость и самоотверженіе, которое они показали во все время осады; въ особенности же благодарилъ 13 и 14 егерскія полки, отличившіеся уже и прежде того, при покореніи Анапы, и пожаловалъ имъ георгіевскія знамена. Тутъ же обратился Государь къ графу Воронцову и адмиралу Грейгу, и въ присутствіи всѣхъ сказалъ: «Благодарю васъ обоихъ за покореніе столь важной, слышшей неодолимою, крѣпости Варны; я былъ свидѣтелемъ вашего усердія и служенія на пользу и славу отечества», потомъ, подѣловавъ ихъ обоихъ, тогда же пожаловалъ, при лестныхъ рескриптахъ, адмиралу Грейгу орденъ св. Георгія 2 класса, а графу Воронцову золотую,

бриліантами осыпанную шпагу, съ надписью «за взятіе Варны»; при этомъ случаѣ не забылъ и князя Меншикова, первоначальныя распоряженія котораго при осадѣ Варны не мало способствовали къ овладѣнію ею: Государь подарилъ ему одну изъ взятыхъ въ Варнѣ пушекъ. Потомъ Императоръ изволилъ благодарить всѣхъ прочихъ начальниковъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ покореніи Варны; въ особенности изъяснилъ свою Монаршую признательность начальнику инженеровъ генералу Шильдеру, руководившему минными работами; саперному же гвардейскому баталіону изволилъ также пожаловать георгіевское знамя. По окончаніи осмотра всей крѣпости, Государь сдѣлалъ распоряженіе о приведеніи ея въ хорошее оборонительное состояніе, тѣмъ болѣе, что слухи пронесли, будто султанъ приказалъ, во что бы ни стало, отвоевать у насъ Варну,—этотъ оплотъ Балкановъ. Государь, оставшись всѣмъ и всѣми отъѣнно доволенъ, возвратился въ чрезвычайно хорошемъ расположеніи духа на корабль «Парижъ». Взойдя на палубу, онъ изволилъ обратиться къ флотскимъ, и въ лицѣ ихъ изъяснилъ особенную благодарность свою всему флоту, сказавъ: «вамъ, мои храбрые черноморцы, отличившимся и прежде подъ Анапою, вашему мужеству и вашему славному содѣйствію также обязанъ я овладѣніемъ Варны», и въ то же время щедро наградилъ всѣхъ флотскихъ, участвовавшихъ въ осадѣ крѣпости.

На четвертый день по занятіи крѣпости, именно 2 октября, Государь, послѣ 35-тидневнаго пребыванія своего на флотѣ, въ сопровожденіи всей своей свиты и графа Воронцова, перешелъ на корабль «Марія», для отправленія въ Одессу. Дипломатическій корпусъ также отправился въ Одессу на кораблѣ «Пантелеймонъ». Лишь только корабль «Марія» вступилъ подъ паруса, и поднять на немъ Императорскій штандартъ,—произведенъ былъ салютъ со всѣхъ судовъ, стоявшихъ на Варнскомъ рейдѣ, и иллюминированныхъ флагами. Музыка играла народный гимнъ Боже Царя Храни,—и теплыя молитвы сухопутныхъ войскъ и моряковъ вознесены были ко Всевышнему о дарованіи Государю благополучнаго плаванія, и о сохраненіи на многія лѣта, возлюбленнаго Монарха, котораго присутствіе, неуго-

миими заботы, великодушіе и милости воодушевляли всѣхъ, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и начальниковъ, и много способствовали къ успѣшному, скорому и славному овладѣнію такою важною и сильноукрѣпленною крѣпостію, какъ Варна, не напрасно слывшей «оплотомъ Балкановъ».

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Боталовъ.
